

ПРОЕКТ
«АНТИ-РОССИЯ»

ТАЙНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВАЛА СССР

Петер Швейцер

Проект «АнтиРоссия»

Петер Швейцер

Тайная стратегия развала СССР

«Алисторус»

2010

Швейцер П.

Тайная стратегия развала СССР / П. Швейцер — «Алисторус», 2010 — (Проект «АнтиРоссия»)

В начале 1982 года президент Рейган вместе с несколькими главными советниками разработал стратегию, основанную на атаке на главные, самые слабые места политической и экономической советской системы. Это была супертайная операция, проводимая в содействии с союзниками, а также с использованием других средств. Началось стратегическое наступление, имеющее своей целью перенесение центра битвы супердержав в советский блок и даже вглубь самой Страны Советов... Автор данной книги раскрывает тайную стратегию США по развалу СССР. В качестве документального материала приводятся эксклюзивные интервью с основными участниками разработки и проведения этой разрушительной политики из администрации Рейгана.

© Швейцер П., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Вступление	5
Глава 1	10
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Петер Швейцер

Тайная стратегия развала СССР

Моим родителями Эрвину и Керстен Швейцер посвящается

Вступление

«И познаете вы истину, и истина сделает вас свободными».
Евангелие от Иоанна, глава VIII, стих 32.

Надпись в вестибюле штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли

«Американская политика 80-х годов явилась катализатором краха Советского Союза», – говорит Олег Калугин, бывший генерал КГБ. Евгений Новиков, когда-то принадлежавший к высшему эшелону власти ЦК КПСС, утверждает, что политика правительства Рейгана была решающим фактором, приведшим к агонии советской системы социализма. Бывший советский министр иностранных дел Александр Бессмертных на конференции в Принстонском университете сообщил, что такие программы, как Стратегическая оборонная инициатива – СОИ {Strategic Defense Initiative – SOI}, ускорили развал Советского Союза.

Советский Союз исчез с карты мира отнюдь не в результате процесса реформ или вследствие сложных дипломатических переговоров и заговоров. Анализ причин развала Советского Союза вне контекста американской политики напоминает расследование по делу о внезапной, неожиданной и таинственной смерти, где не берется во внимание возможность убийства и даже не делаются попытки изучить обстоятельства данной смерти. Но даже если жертва была больна неизлечимой болезнью, следователь обязан изучить все возможное. Что явилось причиной смерти? Дали жертве лекарства, которые в нужное время могли бы ей помочь, или не дали? Не было ли каких-либо необычных обстоятельств, сопутствовавших этой смерти, или каких-то непривычных вещей, с ней связанных.

Тот факт, что крушение и похороны Советского Союза произошли после восьмилетнего правления самого яркого антикоммунистического президента в истории Америки, ни о чем не говорит. И все же это требует весьма пристального рассмотрения, по крайней мере в свете обстоятельств и доказательств, появившихся лишь недавно. Хотя на сегодняшний день связь между политикой Рейгана и крахом Советского Союза мало изучается. Некоторые считают, что между американской политикой 80-х годов и крахом Советского Союза существует незначительная связь или ее почти не существует. Вот как это сформулировал в телепрограмме «В Вашингтоне» Штроб Тальбот: «С точки зрения Кремля разница между консервативной республиканской администрацией и либеральной демократической администрацией была не так уж велика. Советский Союз распался – и «холодная война» почти сразу же закончилась в результате внутренних противоречий или трений в самом Советском Союзе и всей социалистической системе. Вероятнее всего, это произошло бы и в случае, если бы на выборах снова победил Джимми Картер, а вместе с ним и Уолтер Мондейл».

Бывшие советские политики не разделяли этой точки зрения. Политика администрации Рейгана по отношению к Советскому Союзу во многом радикально отличалась от прежней. Ирония точки зрения тех, кто сегодня считает незначительным влияние американской политики на внутренние дела Советского Союза, в том, что в 70—80-е годы они предлагали вести по отношению к Кремлю политику уступок. Рейгана называли «лихим ковбоем», который мог нас всех привести к краю атомной пропасти.

Самое значительное после Второй мировой войны геополитическое событие, имевшее место после восьмилетнего правления президента Рональда Рейгана, называли «дурной удачей». Но, может, лучше было бы все же вспомнить слова Наполеона, произнесенные им, когда его офицеры назвали победу нелюбимого ими коллеги «дурной удачей». Он тогда сказал: «Дайте мне сюда побольше генералов, имеющих «дурные удачи».

Кризис ресурсов, перед которым встало советское руководство 80-х годов, возник вовсе не из-за американской политики в 80-е годы; он неизбежно вытекал из самой системы. Однако Соединенные Штаты Америки, как об этом стало недавно известно, проводили всестороннюю политику, усиливавшую этот кризис. Такая политика проводилась по-разному: с помощью закулисных дипломатических приемов, тайных сделок, гонки вооружений, в ходе которой достигался все более высокий технический прогресс. Все это, а также многие другие акции имели своей целью подорвать основы советской экономики. Кроме того, Вашингтон делал высокие ставки на то, чтобы отделить советские периферии, остановить развитие коммунизма не только в странах «третьего мира», но также и в сердце империи.

Без сомнения, Рональд Рейган не пылал любовью к марксизму-ленинизму и советскому «эксперименту». Он верил, что коммунистическое правление вовсе не «всего лишь другая форма правления», как это называл Джордж Кеннан, но чудовищное заблуждение. «Президент Рейган был глубоко убежден, что Советский Союз не выживет, что он не сможет выжить, – вспоминал Джордж Шульц. – Это убеждение вовсе не вытекало из глубокого знания проблем Советского Союза, а лишь было чисто интуитивным». Это мнение высказано не постфактум, а вполне объективно.

Убежденность Рейгана в изначальной слабости советской системы нашла свое выражение в проводимой им политике. Администрация Рейгана хотела использовать слабости Советского Союза в собственных стратегических целях. В начале 1982 года президент Рейган вместе с несколькими главными советниками начал разрабатывать стратегию, основанную на атаке на главные, самые слабые места политической и экономической советской системы. «Для этих целей, – вспоминает Каспар Уайнбергер, – была принята широкая стратегия, включающая также и экономическую войну. Это была супертайная операция, проводимая в содействии с союзниками, а также с использованием других средств».

Началось стратегическое наступление, имеющее своей целью перенесение центра битвы супердержав в советский блок и даже в глубь самой Страны Советов. Цели и средства этого наступления были обозначены в серии секретных директив по национальной безопасности (NSDD), подписанных президентом Рейганом в 1982 и 1983 годах, – официальных документах президента, направленных советникам и департаментам, касающихся ключевых проблем внешней политики. Как всегда в таких случаях, они шли под грифом «совершенно секретно». Эти директивы по многим аспектам означали отказ от политики, которую еще недавно проводила Америка. Подписанная в марте 1982 года «NSDD-32» рекомендовала «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе и применение тайных мер и прочих методов поддержки антисоветских организаций в этом регионе. Принятая Рейганом в ноябре 1982 года «NSDD-66» в свою очередь объявляла, что цель политики Соединенных Штатов – подрыв советской экономики методом атаки на ее «стратегическую триаду», т. е. на базовые средства, считавшиеся основой советского народного хозяйства. Наконец, в январе 1983 года Рейган подписал «NSDD-75», в которой Соединенным Штатам рекомендовалось не только сосуществование с советской системой, но и фундаментальные ее изменения. Некоторые из этих директив имели своей целью проведение Америкой наступательной политики, результатом которой должно быть ослабление советской власти, а также ведение экономической войны, или войны за ресурсы.

Если говорить о реализации стратегии, то задачи были очень просто разделены. Не вдававшийся в детали Рейган принял решение, куда должен вести этот путь. Совет национальной

безопасности прокладывал рельсы, а Уильям Кейси и Каспар Уайнбергер следили за тем, чтобы поезд достиг станции назначения.

Поскольку значительная часть этой стратегии основывалась на ведении тайных операций, директор ЦРУ Кейси стал одним из главных руководителей. Он был самым могущественным директором ЦРУ в истории Америки и имел круглосуточный доступ к президенту. Поскольку существовала необходимость ведения тайных операций, Кейси мог позволить себе вмешиваться во внешнюю политику, что по давней традиции принадлежало другим членам кабинета. «У Кейси словно был свой собственный государственный департамент и департамент обороны, – вспоминает Гленн Кемпбелл, возглавлявший президентский Совет по делам разведки в восьмидесятые годы. – Он был везде, занимался всем. «Директор ЦРУ» – это лишь название должности, ничего не говорящее о том, как на практике действительно осуществлялись функции Кейси».

Большая часть деятельности Кейси была покрыта тайной, – даже для отдельных советников самого президента. «Мы никогда не знали, что в данный момент предпринимает Билл Кейси, – вспоминал Ричард Аллен, являвшийся главным советником Рейгана по национальной безопасности. – У него был свой неуловимый черный самолет, в котором он мог жить. Он летал по всему миру, делая все, что только можно себе вообразить. Порой даже президент не знал, где он находится в настоящий момент».

Именно Кейси держал в руках приводные ремни главных действий, связанных со стратегией Рейгана, включая тайные операции в Польше, Чехословакии, Афганистане. «Он делал все, что мог, чтобы досадить Советам, – вспоминает Дональд Риган, хорошо его знавший, который тогда был министром финансов в правительстве Рейгана, а также руководителем аппарата Белого дома. – Он постоянно думал об этом, он был просто помешан на этом».

Этот «пунктик» у Кейси был не так уж нов. Он имел свои корни в событиях Второй мировой войны, когда Кейси работал в Ведомстве стратегических служб (Office of Strategic Services). По глубокому убеждению Кейси, советский коммунизм являлся не столь уж новой угрозой, он был весьма подобен тому режиму, который создали гитлеровцы. «Своей задачей он считал продолжение всего того, что ему не удалось свершить после Второй мировой войны, – говорил Алан Фирс, в течение долгого времени (до середины восьмидесятых) принимавший участие в операциях на Аравийском полуострове, после чего был переведен в Центральную Америку. – Смысл своей деятельности на посту директора он видел лишь в продолжении борьбы».

Существенную роль в описываемых событиях сыграл Каспар Уайнбергер, многолетний сотрудник и друг Рейгана. Уайнбергер очень ценил технические новшества и не любил коммунизм. В его представлении достижения в развитии техники давали Америке явное преимущество, которое нужно было использовать с целью ослабления советского народного хозяйства. «Замысел заключался в том, чтобы делать ставку на нашу силу и их слабость, – вспоминал Уайнбергер. – А это означало – делать ставку на экономику и технологию». Это означало также смену приоритетов в военном соперничестве Восток – Запад, делая ставку не на количество, а на качество. Уайнбергер верил, что американский технический прогресс в области вооружений, если его не сдерживать, не даст Москве никаких шансов. В строго секретных документах Пентагона Уайнбергер писал об этом, как о форме экономической войны. Он знал слабые места советской системы и хотел это использовать.

Систему вооружений Уайнбергер планировал строить не на простом увеличении ее финансирования. Не менее важным было то, как будут использоваться деньги, а не только то, сколько их будет потрачено. Как считал генерал Махмут Ахматович Гареев, Москву беспокоило то, что рост вооружения «неожиданно стал интенсивнее... в доселе невиданных темпах и формах».

Уайнбергер также полагал, что Советский Союз не выживет без кредитной и технической помощи Запада. При каждом удобном случае он нажимал на то, чтобы как можно эффективнее ограничить связи между Западом и Востоком.

Кейси и Уайнбергер были двумя выдающимися фигурами, реализовывавшими стратегию Рейгана. Они были членами первого кабинета Рейгана и остались с президентом на второй срок его полномочий. Наиболее значительную роль в формулировании стратегии сыграл Совет национальной безопасности. Советник по делам национальной безопасности, многолетний друг Рейгана Уильям Кларк, не имел права принимать решений в вопросах иностранной политики, но имел к ней доступ и курировал создание проектов наиважнейших элементов стратегии. Члены Совета национальной безопасности Джон Пойндекстер, Роберт Макфарлейн, Роджер Робинсон, Ричард Пайпс, Билл Мартин, Дональд Фортъе и Винсент Каннистаро сыграли решающую роль в формулировании принципов стратегии. Макфарлейн и Пойндекстер, принявшие после Кларка на себя руководство делами национальной безопасности, во время второго срока полномочий Рейгана воплощали в жизнь важнейшие элементы стратегии в неизменной форме.

Стратегия была создана и стала проводиться в жизнь в самом начале деятельности Рейгана на посту президента, а закончилась в 1987 году из-за тяжелой ситуации, создавшейся в результате иранских событий, из-за ухода с ключевых постов отдельных деятелей и разногласий в самой администрации. Стратегия была направлена против ядра советской системы и содержала в себе:

- тайную финансовую, разведывательную и политическую помощь движению «Солидарность» в Польше, что гарантировало сохранение оппозиции в центре Советской империи;
- значительную военную и финансовую помощь движению сопротивления в Афганистане, а также поставки для моджахедов, дающие им возможность распространения войны на территорию Советского Союза;
- кампании по резкому уменьшению поступления твердой валюты в Советский Союз в результате снижения цен на нефть в сотрудничестве с Саудовской Аравией, а также ограничение экспорта советского природного газа на Запад;
- всестороннюю и детально разработанную психологическую войну, направленную на то, чтобы посеять страх и неуверенность среди советского руководства;
- комплексные акции мирового масштаба с применением тайной дипломатии, с целью максимального ограничения доступа Советского Союза к западным технологиям;
- широко организованную техническую дезинформацию с целью разрушения советской экономики;
- рост вооружений и поддержание их на высоком техническом уровне, что должно было подорвать советскую экономику и обострить кризис ресурсов.

Проектом стратегии и его внедрением занималось всего несколько членов Совета национальной безопасности и кабинета министров. «Немногие из этих инициатив обсуждались на заседаниях кабинета, – вспоминал Кларк. – Президент принимал решение в присутствии двух или трех советников». Например, секретарь Госдепартамента Джордж Шульц узнал о СОИ всего за несколько часов до ее обнародования. То, что Соединенные Штаты оказывали тайную помощь «Солидарности», было известно лишь нескольким членам Совета национальной безопасности. Важное решение о помощи моджахедам, которая должна привести к военным действиям на территории Советского Союза, никогда не обсуждалось членами кабинета. Президент посоветовался лишь с Кларком и Кейси и затем принял решение.

Большая часть литературы на тему американской политики и конца «холодной войны», включая также «The Turn» Дона Обердорфера и «At the Highest Levels» Майкла Бешлосса и Штроба Тальбота, посвящена почти исключительно тонкостям дипломатии. Такой подход больше говорит об авторах данных книг, чем об администрации Рейгана. Сам Рейган вовсе

не считал, что соглашением о контроле над вооружением или международными договорами можно измерить успехи его внешней политики. Он посвящал не так уж много времени большинству соглашений о контроле над гонкой вооружений; сражение между Востоком и Западом ему виделось как великая битва между Добром и Злом.

В этой книге не делается попытка вновь углубиться в описание дипломатии и контроля над гонкой вооружений в период, опережающий окончание «холодной войны». Здесь также не будет описания отношений Соединенных Штатов и Советского Союза в критический период. Хотелось бы лишь рассказать о тайных мерах наступления на экономическом, геополитическом и психологическом фронте, имевших своей целью подрыв и ослабление советского могущества.

Хотелось бы, однако, сделать все же и такое замечание. Как писал Кен Аулетт: «Ни одному репортеру не удастся со стопроцентной точностью восстановить события прошлого. Память участников тех событий выкидывает разные штуки, особенно, когда они смотрят на те события, заранее зная об их развязке. Репортер старается избежать неточностей в подаче материала, пользуясь многими источниками информации. И все же было бы хорошо, если бы и читатели, и автор были снисходительны к этим недостаткам журналистики».

Глава 1

Рейган делает ставку на тайные операции в борьбе с СССР

Январь 1981 года был в Вашингтоне особенно лют. Сыпал колючий снег, от реки Потомак дул резкий ветер. Однако в столице царило довольно горячее оживление, всегда сопровождавшее ожидание смены правительства. Чуть ли не через два дня после своей инаугурации в качестве президента, Рональд Рейган вызвал в Овальный кабинет Уильяма Кейси, назначенного на должность директора ЦРУ. Это было по многим причинам весьма необычно, что он встречался с президентом тет-а-тет сразу после восхождения того на свой пост. Кроме всего прочего, еще не был утвержден бюджет и сделаны не все назначения. Новое правительство ставило в центр своего внимания экономику. Рональд Рейган, однако, встречался теперь не просто с директором департамента разведки, а с близким советником, которому доверял.

Это доверие находило свое выражение во время всей предвыборной кампании. Когда комитет по выборам Рейгана развалился и в нем воцарился хаос, эту кампанию в январе 1980 года возглавил именно Кейси. «Многие забывают, что начало 1980 года было для Рейгана не самым выигрышным, – вспоминает Ричард Аллен, советник Рейгана по национальной безопасности. – Билл Кейси помог переломить ход событий». Во время всей кампании Рейган прислушивался к советам Кейси. Теперь он отдавал себе отчет, что своим присутствием в Овальном кабинете он обязан менеджерским талантам и политической смекалке Билла Кейси. «Рональд Рейган чувствовал себя должником Билла Кейси, так же как и каждый победивший лидер чувствует себя должником тех, кто обеспечил ему победу», – сказал Мартин Андерсон, советник Рейгана во время предвыборной кампании. Однако по прошествии нескольких недель после выборов 1980 года, когда все лучшие места были заняты, Кейси почувствовал себя, пожалуй, разочарованным. Ему казалось, что доверие и то, что их связывало, принесет ему, как минимум, должность госсекретаря, о которой он мечтал. Но Рейган выбрал Александра Хейга, бывшего главнокомандующего НАТО, умевшего чувствовать пульс событий, человека быстрого, дисциплинированного ума. Хейг не принадлежал к близкому окружению Рейгана и не сыграл в его предвыборной кампании никакой роли. Он также не был ни его другом, ни почитателем. Однако он располагал необходимыми для этой должности качествами: опытом и представительностью.

Когда в конце ноября президент наконец вызвал Билла Кейси и предложил ему должность директора ЦРУ, то стало ясно, что надежды бывшего руководителя избирательной кампании не оправдались. Как правило, директор ЦРУ реализовывал принципы политики, сам не будучи ее создателем. Он редко становился членом узкого правительственного совета. Как правило, он никогда не был на вершине власти. Директор ЦРУ обычно лишь исполнял то, что было непосредственно связано с работой разведки. Так что, когда Рейган предложил ему эту должность, Кейси ответил: «Подумаю и дам ответ».

Чем больше он раздумывал над этим, тем более неприемлемой казалась предложенная ему должность. Он был от нее отнюдь не в восторге. У него была бездна планов и проектов, вместе с тем он знал, что в возрасте шестидесяти восьми лет у него, пожалуй, больше не будет шанса еще раз оказаться в высоких правительственных кругах. Однако он решил как можно лучше использовать шанс, данный ему Рейганом, и войти в круг людей, принимающих политические решения.

Через несколько дней после сделанного ему предложения Кейси позвонил президенту и сообщил, что согласен принять эту должность, но при трех условиях, прибавив, что эти условия не подлежат обсуждению.

Во-первых, он желал получить ранг члена кабинета и участвовать в заседаниях, принимающих решения по внешней политике.

Вторым условием было выделение для него кабинета в Белом доме. Ему хотелось иметь легкий и быстрый контакт с персоналом Белого дома и президентом, а не жить в изгнании в Лэнгли. В политике, так же как и в торговле недвижимостью, важнее всего локализация. Он мог бы тогда без предупреждения входить в Овальный кабинет и иметь неофициальное влияние на политику. Однако кабинет в Белом доме был нужен ему еще по одной причине. Вот что говорит обо всем этом Мартин Андерсон, член президентского Совета по делам внешней разведки: «Собственный кабинет и секретарша на третьем этаже Old Executive Office Building (OEОВ) означали, что Кейси мог легко вести тайные беседы с любым членом Совета национальной безопасности. Он также мог использовать свой кабинет для встреч втайне от собственного персонала. Телефонные разговоры, которые он вел из Белого дома, – и тогда, когда он звонил сам, и тогда, когда звонили ему, – имели характер личный и никогда не прослушивались и не регистрировались, в отличие от разговоров, которые велись из здания ЦРУ».

Третье, и последнее, условие – «открытая дверь». Кейси просил президента гарантировать ему непосредственный доступ в Овальный кабинет в любой момент. «Ему не нужно было чье-либо посредничество, чтобы разговаривать с президентом, – говорит Герб Мейер, специальный ассистент Кейси в ЦРУ. – Он сам хотел звонить президенту и лично встречаться с ним в любой момент».

Рейган сразу же согласился на условия Кейси. В это мгновение родился самый влиятельный директор ЦРУ в истории Америки. Как официально, так и неофициально, он оказался в центре внешней политики. Согласие президента гарантировало ему место в кабинете, так же как и членство в очень немногочисленном Совете национальной безопасности. А важнее всего было то, что он стал членом Рабочей группы по делам национальной безопасности (National Security Planning Group, NSPG), которая вскоре была сформирована. Эта группа обладала реальной властью в области внешней политики. В состав NSPG входил президент, вице-президент, руководители Госдепартамента и министерства обороны, а также советник по делам национальной безопасности. Ее членом должен был стать также Уильям Кейси.

Но кроме власти в правительстве, которой он должен обладать, и кабинета в Белом доме, Кейси располагал еще одним важным атрибутом, благодаря которому мог стать самым влиятельным директором ЦРУ в истории Америки, – близкие отношения с президентом. Эта деталь должна была оказать самое значительное влияние на карьеру Кейси. «Это было родство душ, – говорил Герб Мейер. – Американцы ирландского происхождения, пережившие Великий Кризис, имевшие одинаковое мировоззрение, они встречались по два раза в неделю в течение всего срока президентства Рейгана, и, как правило, с глазу на глаз. Часто разговаривали по телефону. Советники по делам национальной безопасности приходили и уходили, а Билл Кейси по-прежнему прочно сидел в своем кресле. Он был самым влиятельным директором ЦРУ в истории Америки». Кейси, Аллен, Уайнбергер при поддержке президента и решили бросить вызов Советскому Союзу.

После знакомства со штабом в Лэнгли, Кейси нырнул на заднее сиденье темно-синего, пуле-и бомбонепробиваемого «Олдсмобил-98» без номеров, выделенного ему ЦРУ для этой встречи с президентом в конце января. Машина была набита охраной. У сидящего рядом с водителем охранника был короткий карабин и револьвер «магнум». Под рукой у Кейси было несколько телефонов, соединявших его со штабом в Лэнгли, Белым домом, телефон для прочих разговоров с противоподслушивающим устройством. За «Олдсмобилем» ехала машина службы безопасности с четырьмя охранниками, вооруженными самозарядными револьверами «магнум» и автоматическими пистолетами «узи», спрятанными в больших сумках. Проехав два квартала от перекрестка Шестнадцатой стрит с авеню Пенсильвания, водитель позвонил

охране Белого дома, предупреждая, что «Барон» (такой псевдоним был у Кейси) скоро придет.

Не желая опаздывать на встречу с президентом, Кейси поспешно поднялся в Белый дом через черный вход. Он шел, слегка наклонясь, размахивая руками. Под мышкой у него было несколько папок, в руке – вечное перо. Охранники старались не отставать от него. Он быстро вошел в Белый дом. Часть персонала служб безопасности лишь теперь имела возможность увидеть главного шпиона Рейгана. Пряди белых волос на лысоватой голове, очки в металлической оправе, обезоруживающее милое лицо пожилого человека, находящегося на пенсии. Он просто не вписывался в свою роль. Но его внешний вид лишь на минуту мог обмануть как друзей, так и врагов. Лишь только он открывал рот, все могли убедиться, что имеют дело с быстрым и острым как бритва интеллектом. После короткого разговора с Ричардом Алленом и советником президента Эдвином Мизом Кейси пошел на встречу с Рейганом.

В Овальном кабинете он крепким пожатием руки поздоровался с президентом. Они обменялись любезностями, а также парой ирландских анекдотов и быстро перешли к делу. Рейган, плохо слышавший на одно ухо, напрягавший слух даже с отчетливо разговаривающими собеседниками, часто просил, чтобы они говорили громче. Можно себе представить, сколько у него было проблем с Кейси с его невыразительной речью и странным говорком! (Рейган часто шутил, что Билл Кейси – первый директор ЦРУ, чьи доклады не нужно кодировать). Во время предвыборной кампании Кейси научился одной очень важной вещи, и это чрезвычайно пригодились ему позже. А именно: он всегда старался держаться как можно ближе к президенту, чтобы тот мог его слышать.

Проблемы Рейгана со слухом и невнятная артикуляция Кейси стали позже предметом для многочисленных сомнений, действительно ли президент понимал все то, что говорил ему Кейси. Один из бывших советников по делам национальной безопасности вспоминает: «Порой мы задумывались, а все ли понимает президент из того, что говорит Билли, и перед какими решениями ставит страну одним кивком головы».

Папки Кейси лопались от карт и чертежей, приготовленных для нового руководителя. Он также принес отчеты разведки о советской экономике. «Господин президент, – сказал Кейси, – хочу посвятить это время новой информации о положении русских. У них там тяжелая ситуация и постоянная борьба с трудностями». Он дал президенту данные о самых наибольших трудностях, тормозящих развитие производства, дефицитах, а также анекдотическую информацию, извлеченную из разведывательных рапортов. Он также предоставил диаграммы роста и уменьшения поступлений твердой валюты в Советский Союз. «Ситуация хуже, чем мы себе представляли, – сказал он. – Я хочу, чтобы вы сами увидели, насколько больна их экономика и насколько легкой мишенью они могут являться. Они обречены. В экономике полный хаос. В Польше восстание. Они застряли в Афганистане, Кубе, Анголе и Вьетнаме; для них самих империя стала грузом. Господин президент, у нас есть исторический шанс – мы можем нанести им серьезный ущерб. Я хочу еженедельно представлять вам материалы разведки – неотфильтрованные, о том, что там происходит. Я также готовлюсь к более широкомасштабному исследованию относительно наших возможностей и того, как мы можем их максимально использовать».

На протяжении всего времени, когда он был директором ЦРУ, Кейси каждую пятницу представлял президенту обещанные материалы. Эта практика имела огромное влияние на отношение Рейгана к Советскому Союзу. Регулярное ознакомление президента Соединенных Штатов с материалами разведки было беспрецедентным. Этот факт имел решающее значение для формирования его мнения о слабых местах Советского Союза. Когда в 1982 году советником по национальной безопасности стал Уильям Кларк, поток разведывательной информации возрос еще больше. «Президент любил читать материалы разведки о советском народном хозяйстве, – вспоминал Джон Пойндекстер. – Особенно их анекдотическую часть, о заводах,

простаивавших из-за отсутствия запчастей, об отсутствии твердой валюты, об очередях за продуктами питания. Это его интересовало больше всего, а также помогало утвердиться во мнении, что у советской экономики огромные проблемы». Это мнение подтверждают и записи в личном дневнике Рейгана. Запись от 26 марта 1981 года гласит: «Информация о советской экономике. Советы в очень плохом положении. (Если мы воздержимся от кредитов, они будут просить помощи у «дяди», потому что в противном случае умрут с голода».) Рапорты разведки подбирал лично Кейси и работники Совета национальной безопасности, после чего материалы передавались президенту.

Президент слушал Кейси около двадцати минут, потом сказал: «Билл, может, ты выскажешь свое мнение на заседании Рабочей группы по делам национальной безопасности?» Так впервые на собрании группы 30 января обсуждалась тема тайных наступательных операций против Советского Союза. Членами группы в то время, кроме президента, были: вице-президент Буш, Каспар Уайнбергер, Александр Хейг, Уильям Кейси и Ричард Аллен. Советский Союз все больше увеличивал воинский контингент в Афганистане: там в то время находилось 89 тысяч солдат. Многочисленные советские дивизии окружали Польшу, создавая угрозу вторжения. Западная Европа, казалось, совсем этим не интересовалась и выделяла Москве кредиты на строительство огромного газопровода.

Вся Рабочая группа по делам национальной безопасности единодушно признавала, что существует необходимость увеличения бюджета на повышение обороноспособности страны. Именно это направление избрало еще правительство Картера после советского вторжения в Афганистан. «Все были согласны, что основная задача – усиление нашей мощи, – вспоминает Уайнбергер. – Нужно было теперь принять решение о том, каковы наши цели».

На встрече председательствовал Аллен, давно считавший, что политика Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу ошибочна. Вначале обсудили вопросы бюджета, а потом Аллен стал высказывать свое мнение о масштабных целях Соединенных Штатов. «Дискуссия была очень оживленной, – вспоминал Уайнбергер. – Именно тогда мы решили, что существует необходимость занять твердую позицию по вопросу о Польше. Не только для того, чтобы воспрепятствовать вторжению, но и чтобы найти возможность ослабить советскую власть в Польше».

Относительно общей политики США по отношению к Советскому Союзу тогда еще не было принято никакого решения. Госсекретарь Хейг красноречиво высказался за «жесткую политику разрядки напряжения», которая должна заставить Советы вести переговоры на условиях, которые бы устроили Соединенные Штаты. Благодаря перевооружению армии и ведению переговоров с позиции силы, утверждал Хейг, должны быть соблюдены интересы США, что означало усиление предупредительной тактики по отношению к врагу. Эта тенденция была характерна для американской внешней политики с 1947 года, пожалуй, лишь за исключением нескольких лет во времена администрации Форда и Картера, когда Америке, жившей в тени вьетнамской войны, не хватало силы духа. Кейси, при мощной поддержке Уайнбергера и Аллена, утверждал, что существует серьезная опасность и в связи с этим нужно предпринять решительные действия. Относительной мощи Америки недостаточно. Нужно иметь в виду силу и состояние здоровья советской системы, – наращивание мощи Америки не воспрепятствует угрозе, а может лишь только приостановить ее. Целью Соединенных Штатов не должно быть увеличение соответствующей американской мощи, а сокращение советской мощи в абсолютном смысле. Когда демократия сражается с тоталитарным режимом, сказал Аллен, то она находится в явно худшем положении. Мы должны сделать ставку на нашу силу, а не на слабость.

Дискуссия длилась почти двадцать минут и закончилась горячей речью Кейси. «Господин президент, мы на протяжении последних тридцати лет играли на нашей территории, избегая перенесения игры на их поле. Таким образом трудно выиграть. Когда они в безопасности и

находятся у себя, то на них трудно повлиять. Их поведение изменится только тогда, когда изменится наш образ действий».

Президент также чисто инстинктивно склонялся к проведению Америкой более агрессивной политики. Во время своей избирательной кампании он составил список стран, которые со времен вьетнамской войны попали в сферу влияния Советов. И сейчас, после минутного молчания, он в конце концов сказал: «Я считаю, что концепция Аллена имеет шанс на успех на международной арене – мы получим помощь от наших союзников. Но концепция Билла кажется мне наиболее осмысленной со стратегической точки зрения».

Советский Союз, казалось, понимал эти разногласия в администрации Рейгана. Вот что позднее сказал советолог Северин Биалер: «Советские специалисты-аналитики наверняка видели эту разницу взглядов в администрации президента, хотя вначале не придавали ей слишком большого значения. Например, они отделяли антисоветскую позицию бывшего госсекретаря Хейга и Госдепартамента в целом от антисоветской и антикоммунистической позиции департамента обороны и Белого дома, утверждая, что те, первые, отстаивают стратегию противодействия экспансии Советского Союза в рамках реальной политики. А вторые идут намного дальше, призывая к крестовому походу против Советского Союза».

Эта дискуссия ограничилась лишь обсуждением концепции, но для начала было достаточно и этого. Президент склонялся к более решительной политике, которая не только не позволит Советам действовать на чужой территории, но и поможет перенести игру на их собственное поле.

На этой встрече Рабочей группы по национальной безопасности было также решено, что администрация должна начать тайную психологическую операцию, которая использовала бы слабые места русских. Советы боялись Рейгана, считая его «лихим ковбоем». Ричард Аллен в период формирования правительства встретился с советским послом Анатолием Добрыниным. «Они считали, что имеют дело с первоклассным сумасшедшим, – вспоминает Аллен. – И были смертельно испуганы».

Новая администрация полагала, что нужно поддерживать этот образ, по крайней мере по отношению к Кремлю. «Держать Советов в уверенности, что Рейган слегка не в своем уме, – было его стратегией», – говорит Аллен. Это была идея, выдвинутая уже покойным футурологом Германом Ханом. Он сравнивал битву сверхдержав с опасной игрой, в которой две машины идут на таран. Ни одна, ни вторая сторона не хотят столкновения, но ни одна, ни вторая не хотят свернуть. Но в конце концов кто-то должен это сделать, чтобы избежать катастрофы. Хан достаточно лаконично сформулировал: «Никому не захочется играть во что-то подобное с сумасшедшим». Таким образом, образ ковбоя с точки зрения стратегии был весьма кстати. На встрече были обсуждены детали неофициальной, широко спланированной и подогнанной во всех деталях операции психологического давления (PSYOP).

Ее целью было так повлиять на образ мысли Кремля, чтобы тот ушел в оборону и таким образом менее всего склонялся бы к рискованным действиям. Она включала также некоторые военные акции на приграничных с Советским Союзом территориях. «Это было весьма тонким делом, – вспоминает бывший заместитель министра обороны Фред Айкл. – Не делалось никаких записей, чтобы не оставить следов».

«Порой мы посылали бомбардировщики на Северный полюс, чтобы советские радары смогли их засечь, – вспоминает генерал Джек Чейн, командовавший военно-воздушными силами стратегического назначения. – А порой запускали бомбардировщики над их приграничными территориями в Азии и Европе». В критические периоды эти операции включали по несколько таких маневров еженедельно. Они проводились с разными интервалами, чтобы эффект был еще более пугающим. Затем серия таких полетов прекращалась, чтобы через несколько недель повториться снова.

«Это и в самом деле приносило результаты, – вспоминает доктор Уильям Шнэйдер, заместитель госсекретаря по делам помощи и военной техники, видевший рассортированные «протоколы после акции», в которых были зарегистрированы воздушные полеты авиации Соединенных Штатов. – Они не знали, что это все значит. Эскадрилья направлялась в воздушное пространство Советского Союза, ее засекали радары, объявлялась боевая тревога. А потом в последний момент эскадрилья поворачивала и летела домой». Первые акции по линии PSYOP начались в середине февраля и сначала имели своей целью вызвать чувство неуверенности, а также заставить Советы воздержаться от вторжения в Польшу. Эти методы применялись и позже, в течение всего периода президентства Рейгана и оказались вполне успешными, если иметь в виду их психологическое воздействие на Кремль.

Какое-то время спустя после этой встречи NSPG, Кейси собрал свой оперативный отдел. Секретные операции должны были сыграть немаловажную роль в политике, планируемой правительством, поэтому ему хотелось изучить возможности организации таких акций через ЦРУ и достижение с их помощью максимального эффекта. Он поручил сотрудникам составить рапорт-отчет о деятельности Управления. На его основании сделал вывод, что ЦРУ сейчас является вялой и неэффективной организацией. Кейси считал, что тайные операции вообще недооцениваются как действенное и стратегическое средство во внешней политике, хотя это был довольно спорный взгляд.

Было ясно, что и в его организации существуют определенные барьеры. Джон Макмагон был начальником оперативного отдела, но в отличие от Кейси был человеком вполне осторожным. «Из слушаний в конгрессе в семидесятые годы он вышел травмированным, – говорил Винсент Каннистраро, бывший начальник оперативного отдела. – Риска он не любил. Почти во всем, что мы должны были делать, он выискивал проблемы, которые могли бы нас позже преследовать как видения».

Одной из главных тайных операций в то время должна была быть поддержка моджахедов в их борьбе против советского вторжения в Афганистан. Через какое-то время после вторжения, происшедшего на Рождество 1979 года, по просьбе президента Картера Стэнсфилд Тэрнер разработал программу, которая могла иметь лишь второстепенное значение в поддержке сопротивления. ЦРУ закупило оружие в Египте и переправляло его через Пакистан при помощи пакистанской контрразведки. Стоимость этого оружия в те годы (1980–1981) составляла приблизительно 50 миллионов долларов. Целью США являлось проведение надежной программы «изматывания» Советской Армии. Саудовская Аравия решила противопоставить советской аванюре в этом регионе материальную помощь, согласившись к каждому американскому доллару добавлять доллар со своей стороны.

Вашингтон хотел, чтобы все доставляемое движению сопротивления оружие было советского производства, что позволило бы ему благополучно уйти в сторону, если бы Советский Союз стал жаловаться на это. ЦРУ выбрало дорогу через Египет по нескольким причинам. Каир с пониманием подходил к борьбе своих мусульманских братьев в горах Афганистана. Кроме того, у него были запасы советского оружия, оставшиеся здесь с шестидесятых – конца семидесятых годов, когда он вел с Москвой военное сотрудничество. К тому же по советской лицензии такое оружие производил Китай. По этой причине в данной операции в них видели потенциальных участников.

Ящики с оружием переправлялись в назначенный район. Однако это оружие оставляло желать лучшего. ЦРУ платило за него как за хорошее оружие, которое должно было значительно ослабить советские войска. Но моджахеды получали старые карабины, старую амуницию и заржавевшую технику. «Египтяне требовали самую высокую цену, а взамен давали лом, – вспоминает один из сотрудников. – Этим оружием можно было лишь слегка попугать Советы».

В течение долгих месяцев командиры моджахедов в разговорах со связными из ЦРУ жаловались на плохое качество оружия. Но особняк в Лэнгли никаких усилий в этом направлении не предпринимал, опасаясь, что конфронтация с Египтом может сделать очевидным участие США в операции. В первые же дни своей работы в Управлении Кейси прочел несколько телеграмм, курсировавших между Каиром и Лэнгли, и страшно разозлился.

На этом утреннем заседании новый директор внимательно слушал Макмагона и его сотрудников, сидевших вокруг стола. После короткого вступления с объяснением некоторых тайных операций разговор перешел к Афганистану. Макмагон сказал Кейси, сколько оружия было послано моджахедам, и заверил, что Советы платят высокую цену за свою оккупацию. Когда он закончил, Кейси сразу же сказал: «То, что мы доставляем, – это лом. Мы должны дать им настоящее оружие. Скажи своим людям в Каире, чтобы они все уладили. А если это не удастся, я договорюсь с Садатом, когда приеду туда в апреле. Нужно, чтобы Советы дорого за это заплатили. Мы должны поддерживать сопротивление намного лучше! Я хочу, чтобы мы это делали также во всем мире, чтобы нанести им поражение и убрать оттуда совсем. Находящиеся под их ярмом народы – наши лучшие союзники. Дадим прикурить коммунистам. Мы должны пустить им кровь. Но чтобы сделать это, нам придется изменить кое-что здесь, у нас в центре». Макмагон, взволнованный, покинул это собрание. Сторонник вполне безопасных операций столкнулся с «крестоносцем».

На протяжении всего времени пребывания на посту директора, а особенно в первый год, Уильям Кейси реорганизовывал, оживлял и переориентировал ЦРУ. Ему досталась со времен его предшественника Стэнсфилда Тэрнера раздробленная организация. К приходу Кейси в Управлении было 14 000 сотрудников, с бюджетом около 1 миллиарда долларов. Это означало, что организация не могла вести слишком активную деятельность. Тэрнер был технократом, глубоко верившим в шпионские спутники и электронную разведку. Он очень скептически относился к успешности и целесообразности участия людей в акциях, а также к тайным операциям. За четыре года своего директорства он ликвидировал около 820 тайных должностей. Нравственное состояние действующих агентов было очень низким. Несмотря на то что ЦРУ слыло всемогущей организацией, в начале 1981 года это была слабая и нерезультативная структура. «Там, где нам нужны были первоклассные агенты, мы их совсем не имели, – вспоминал один из сотрудников. – Мы не могли проводить секретных операций даже за углом в магазине, а не то что там, за «железным занавесом».

Джон Пойндекстер вспоминает: «В те давние годы нам была известна общая мощь Советской Армии, но мы не имели понятия о том, что происходит в Политбюро. У нас также были малые возможности заниматься тайными операциями».

По мнению Кейси, за эту ситуацию отчасти был ответственен конгресс. Во время слушаний 13 января Кейси напрямую сообщил сенату, что планирует свести к минимуму ограничения, наложенные на ЦРУ. «С какого-то момента жесткая подотчетность может помешать исполнению задач», – сказал он. Когда Кейси вышел, лишь немногие сомневались, что страна перешагнула Рубикон. (К началу лета Кейси значительно сократил число сотрудников управления, чьей задачей являлось информировать конгресс о деятельности ЦРУ.)

Оставались моральные проблемы. На счету ЦРУ был ряд достаточно позорных акций, таких, как допросы Комиссии церковей, чистки времен Тэрнера, программа «Феникс» во Вьетнаме, неудачные попытки покушения на Фиделя Кастро, слежка за противниками войны во Вьетнаме. Уильям Кейси хотел, чтобы в активе Управления больше таких дел не было. «Трудности последних десяти лет уже позади, – написал он памятку для своих сотрудников в начале 1981 года. – Пришло время ЦРУ вернуться к традиционной секретности при проведении своих операций».

Новый директор был удивлен, что ему в наследство достались столь немногочисленные источники разведанных. «Билл был поражен, – вспоминает его ассистент Герб Мейер. – Ведь

мы все же были лидерами свободного мира, но не располагали ни одним агентом высокого класса там, на месте, в Советском Союзе. Помня свой опыт в Управлении стратегических служб, он не принимал никаких объяснений, почему дело дошло до такого состояния».

Военные годы оказали значительное влияние на взгляды Билла Кейси, касающиеся методов ведения соревнования между народами, экономических войн, а также успеха секретных операций. В 1944 году войска союзников готовились к наступлению на немцев. Проблема заключалась в том, что они располагали немногочисленным отрядом разведчиков на немецкой территории. У них были агенты в Италии, Франции, Северной Африке и даже в Центральной Европе, поставлявшие немало ценной информации, спасавшие жизни сотен и тысяч людей и помогавшие союзникам в их войне против немецкой армии. Но в самой Германии их агентурная сеть была более чем скромной. У них там не было агентов и даже перспективы создания шпионской сети. Командование союзников обратилось с этой проблемой к «Дикому Биллу» Доновану, директору Управления стратегических служб. К их удивлению, он порекомендовал проведение этой очень важной и тонкой операции тридцатидвухлетнему бывшему лейтенанту военно-морского флота по имени Уильям Кейси. Лейтенант в 1943 году стал консультантом Управления по вопросам экономической войны. По словам самого Кейси, его работа заключалась «в точном определении наиважнейших хозяйственных арсеналов Гитлера и в поисках способа блокады, выкупа и прочих методах экономической войны». Эта работа казалась Кейси достаточно интересной, но он мечтал о большей активности. Так в 1943 году после предварительного разговора с полковником Чарльзом Вандербилем, сотрудником Управления стратегических служб, он подписал с ним договор и через год был назначен Донованом руководить разведкой в Европе.

Это назначение было для Кейси лестным, но его положение – незавидным. Морской лейтенант, воспользовавшись удобным случаем, погрузился в пучину своей работы. Благодаря творческой смекалке (а также состряпанным в последний момент директивам), Кейси создал шпионскую сеть в тылах врага. Это было огромным достижением разведки. Как пишет Джо-зеф Персико в книге «Piercing the Reich», Кейси смог завербовать две сотни агентов, которые проникли в сердце гитлеровской твердыни; они настолько хорошо подделывали документы, что те не возбуждали никакого подозрения, печатали такие удостоверения личности, которые успешно обманывали всеведущее гестапо, создали очень сложную, но успешно действовавшую систему радиоперехвата, сбора информации, наблюдения и анализа всего этого прямо на месте.

Уильям Кейси своей подрывной работой против немцев доказал, что он многое может сделать. Зная, что переброска американцев на территорию врага будет плохим выходом, он набрал волонтеров из отрядов антинацистски настроенных военнопленных. Его агенты говорили по-немецки, хорошо знали Берлин, так что были в полном порядке. Тот факт, что он, используя военнопленных, нарушал Женевскую конвенцию, не остановил молодого шпиона. Такие уж были времена.

К февралю 1945 года Кейси внедрил первых двух своих агентов в Берлине. В марте действовало уже тридцать групп. Через месяц на территории всей Германии у него было 55 групп. Методы их работы были очень творческими. Одна из берлинских групп, действовавших под псевдонимом «Группа шофер», пользовалась проститутками в качестве шпионов.

Военные годы Кейси, когда он жил как рыцарь плаща и шпаги, на всю жизнь отпечатались в его памяти. Весь этот опыт отложился глубоко в сознании и сформировал представление о том, что такое борьба между врагами и насколько необходимы здесь смелые методы. Все эти уроки касались также и советского коммунизма, равно как и немецкого народного социализма. В книге «Тайная война против Гитлера», изданной после его смерти, Кейси писал: «Я считаю, что в наше время очень важно понять, насколько нужны разведка, тайные операции и организованное движение сопротивления. Благодаря этим методам борьбы с Гитлером, борьбы, которая закончилась победой, было спасено множество человеческих жизней. В буду-

щем, в кризисных ситуациях, эти методы могут оказаться более результативными, чем снаряды и спутники. Их успешность подсказывает нам использование диссидентов против мощных центров и тоталитарных правительств».

Впрочем, Стэпсфилд Тэрнер оставил Кейси ценный разведывательный актив. Один из агентов американской разведки, офицер польского Генерального штаба Куклинский, находился на самой вершине советского альянса. Он весьма смело предоставлял ЦРУ постоянную информацию о планируемых советских акциях в Польше. В его тайных рапортах была также информация об организации вооруженных сил Варшавского договора и планах операций в Европе. Куклинский был настолько засекреченным агентом, что его рапорты Тэрнер подавал лишь самому высокому руководству. Доступ к ним имели лишь лица из особого списка BIGOT. В Белом доме во время президентства Картера в списке BIGOT находились лишь президент, вице-президент Мондейл и советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский.

Во времена Кейси список BIGOT также был невелик. Мало кто знал о Куклинском. Кейси, однако же, мечтал располагать десятком таких Куклинских в советском блоке. Ему также хотелось развернуть тайные методы и свершать тайные операции. В начале марта 1981 года он отправился в двухнедельное путешествие на Дальний Восток. (За всю свою бытность на посту директора ЦРУ Кейси провел в пути больше времени, чем любой из его предшественников). Ему хотелось встретиться с теми, кто работал на передней линии фронта, и узнать их точку зрения. ЦРУ уже давно не работало в таком стиле. Когда Тэрнер был директором, то, как заметил один из его сотрудников, Уильям Гейтс: «ЦРУ раскорячилось в оборотном раболепстве».

Кейси не мог принять такую ситуацию. Он все время говорил своим сотрудникам: «Работа в разведке всегда связана с риском. Я надеюсь, мы сживемся с ним. А избегать мы должны лишь одного – ненужного риска».

Итак, Уильям Кейси прибыл в Вашингтон и вскоре стал самым влиятельным директором ЦРУ в истории Америки. Благодаря своим личным контактам с президентом, а также своей официальной власти члена администрации, он стал ключевой фигурой, формирующей внешнюю политику США. «Билл Кейси обожал свою работу. Он был великолепен в этой должности, – утверждал Дэвид Вигг, многолетний сотрудник Кейси в бизнесе, какое-то время бывший связным ЦРУ с Белым домом. – Трудно переоценить его влияние на политику».

Таким образом в начале 1981 года Кейси вернулся к тайным операциям как к проверенному виду деятельности. Они проводились в жизнь в рамках стратегии Совета национальной безопасности, изменив ход «холодной войны» и превратив ее в ускоренный развал Советского Союза.

Глава 2

Направление главных ударов

После прихода в Белый дом новой администрации Кремль с интересом стал наблюдать за развитием событий в Вашингтоне. Москва в 70-е годы воспряла духом: ее влияние в мире росло, американское же могущество убывало. В 1979 году Леонид Брежнев публично огласил, что развитие событий от Вьетнама до Ирана положило начало новой эре, в которой «положение дел складывается не в пользу капиталистов». Америка, угнетенная событиями во Вьетнаме, по-прежнему хранила осторожность, в то время как Москва проявляла смелость и агрессивность. Серия ее дипломатических маневров принесла свои плоды в Северной Африке. У нее были потенциальные союзники в Центральной Америке. В декабре 1979 года Кремль, чувствуя себя уверенно (и даже слишком уверенно), был убежден, что может диктовать ход событий во всем мире. В результате этой убежденности и произошло вторжение в Афганистан, у которого жестокая война отняла почти все силы.

Советские идеологи, такие, как Сулов, публично утверждали, что избрание Рейгана президентом доказывает, что Америка «находится в состоянии кризиса». «Правые, стремящиеся к войне, – это признак приближающегося упадка Америки». Однако на самом деле советское руководство опасалось новой Вашингтонской администрации.

«В Центральном Комитете побаивались Рейгана, – вспоминал Евгений Новиков, в то время работавший в международном отделе ЦК КПСС, – его менее всего хотели видеть в президентском кресле».

Олег Калугин, тогдашний генерал КГБ, отвечавший за контрразведку, подтверждал это: «Рейган и его взгляды настолько беспокоили советское правительство, что оно было близко к истерии. Кружили сообщения о приближении кризиса. В Рейгане видели серьезную угрозу».

Кремль не без оснований боялся Рейгана. Во время выборов 1980 года КГБ и разведка кремлевских союзников собирали материалы о Рейгане и его сотрудниках. Характеристика, данная Рейгану в докладной восточногерманской разведки ШТАЗИ, гласила, что Рейган был «крайних антисоветских и антикоммунистических взглядов», уделяя основное внимание созданию военного превосходства, «вел кампанию по изгнанию прогрессивных деятелей из киноиндустрии и профсоюзов», что он жаждал «уничтожить завоевания революции», будучи сторонником «экономической войны» с Москвой и ее союзниками. Все это беспокоило советское руководство. Собранные о Рейгане материалы включали также цитату из его выступления во время избирательной кампании: «Никто не хочет пускать в ход атомную бомбу, но враг должен ложиться спать в полной убежденности, что мы можем выпустить ее». Развернувшаяся операция PSYOP подливала масла в огонь.

Кроме его идеологической характеристики, разведка располагала разнообразной информацией о подробностях личной жизни президента и его привычках, – что он любит озадачивать подчиненных, не пьет, не курит, бескомпромиссен в идеологии, его жена Нэнси имеет на него большое влияние. Были даже рапорты о том, что Рейган регулярно читает гороскопы.

Донесения также содержали и тревожные данные об увеличивающихся расходах на оборону, за что был ответственен Каспар Уайнбергер. (Бывший советский министр иностранных дел Александр Бессмертных вспоминает: «Читая доставляемые ему сообщения, политическое руководство пришло к выводу, что после некоторого периода, когда расходы на вооружение не повышались (70-е годы), с приходом к власти нового президента, Рейгана, США решили сменить оборонную политику на вооружение. Вся утечка информации и рапорты от нашей разведки в США... говорили о том, что Вашингтон серьезно подумывал об уничтожении Советского Союза с первой попытки». А в США тем временем продолжались приготовления к этому.

В начале февраля 1981 года Уильям Кейси сидел в своем кабинете в особняке ЦРУ, играя галстуком и поглядывая в огромное окно на реку Потомак, зеленое ожерелье, темневшее вдоль ее берегов. В кабинете были также Джон Бросс, Стенли Споркин и еще два сотрудника. Кейси знал, что многие сотрудники Управления не разделяли его взглядов на активное, энергично действующее ЦРУ. Предварительные встречи с Джоном Макмагоном и его сотрудниками из оперативного отдела были не столь уж плодотворными, но все же дали ему возможность правильно оценить ситуацию. «Макмагон постоянно был занозой, торчащей в боку у Кейси, – вспоминал один из бывших членов Совета национальной безопасности. – В течение всего срока пребывания Кейси в этой должности Макмагон саботировал многие его инициативы, игнорировал просьбы, не выполнял поручения, не писал вовремя рапорты».

В руководстве оперативного отдела доминировала элита из Гарварда, Принстона, Йелля. Это были агенты в накрахмаленных воротничках, с невысокими творческими способностями, нервные и чуткие люди. А в представлении Кейси хорошим агентом был тот, кто не боялся иной раз преступить законы. Такова уж природа шпионской деятельности. По крайней мере, война его научила и этому. Поэтому Кейси хотелось иметь своего человека – заместителя начальника оперативного отдела, кто развалил бы эту элиту и был бы абсолютно лоялен по отношению к нему, Кейси, к тому же бескомпромиссен и не похож на своих апатичных коллег. Это должен быть человек, которого можно легко проконтролировать, кто не слишком много знал о том, как действует Управление, и не был слишком независим. Короче говоря, таким человеком оказался Макс Гугель.

Когда была выдвинута его кандидатура, то Бросс, так же как и Споркин, высказали сомнения. Гугель был бизнесменом, участвовал в кампании Рейгана, но в разведке до этого не работал. Именно поэтому Кейси хотелось заполучить его. Гугель был сладкоречивым человеком бизнеса и мог, по мнению Кейси, помочь свалить бюрократов, потому что те мешали проведению тайных операций. «Биллу импонировала его жесткость, – вспоминал сотрудник оперативного отдела. – Кейси представлял, как Макс победит высших чиновников оперативного отдела и контроль за ходом операций Кейси возьмет на себя». Он надеялся, что Гугель поможет ему создать коммерческое прикрытие для агентов и вне территории страны. Гамбит мог бы быть удачным, но Гугель, оправдываясь деловыми интересами, в июле отказался от этой должности. На его место пришел рядовой сотрудник. В начале 1981 года Уильям Кейси предпринял несколько других шагов, имевших цель – консолидацию контроля над секретными операциями и сохранение вокруг них секретности. В середине февраля он попросил президента о радикальном изменении структурного контроля над процессом консультаций по секретным операциям. Согласно традиционной процедуре, в них принимали участие сотрудники соответствующих ведомств и департаментов правительства. Они собирались с целью контроля над предложенными и проводимыми операциями. С шестидесятых годов руководителем группы был советник президента по национальной безопасности. Среди членов консультативного совета был и заместитель министра обороны, заместитель госсекретаря по вопросам политики, председательствующий Соединенного комитета начальников штабов, а также ассистенты госсекретаря, если операция проводилась по их тематике. Теперь же Кейси предложил, чтобы контроль над операциями вела лишь Рабочая группа по делам национальной безопасности (NSPG). «Каждый раз, когда мы хотим что-то предпринять, – сказал он президенту, – вся информация утекает как сквозь сито. Я же хочу проводить секретные операции, которые действительно секретны».

Рейган тотчас согласился. Новый порядок гарантировал секретность, NSPG не нужно было заранее оповещать, в какой день будет обсуждаться секретная операция. Записи, которые сотрудники Кейси делали во время совещания, нужно было оставлять в конце совещания на столе. Решения должны были принимать непосредственно члены Группы, без участия персонала. Директор по делам Советского Союза и восточноевропейских стран Джон Ленчовски

вспоминает: «Мы мало знали о тайных операциях. Кейси вел эти дела сам, и мы их редко обсуждали. Боялись утечки информации».

Такая ситуация вполне устраивала Кейси. Много говорили о том доверии, которого удостоивал директора ЦРУ Рейган, и о том, какую власть будет иметь Кейси в принятии решений касательно политики секретных операций. А в Лэнгли Кейси тряс дирекцию разведки, так же как и дирекцию оперативного отдела. Ему нужна была точная информация по Москве. В конце февраля он провел первую встречу с руководителями дирекции разведки. Председательствовал Брюс Кларк, чья работа не устраивала Кейси. Правда, тот доставлял Кейси много рапортов с оценкой деятельности разведки (NIEs), экономических рапортов по международным вопросам, но большинство из них, по мнению Кейси, были совершенно бесполезны. «Билл считал, что большинство рапортов NIEs было абсолютной белибердой и ничего общего с нашими проблемами не имело, – вспоминает Генри Роуэн, позже возглавивший Совет по делам разведки, – и даже те, которые имели что-то общее с нашими проблемами, тоже оказывались бесполезными, – там всегда были замечания типа: с одной стороны это так, но с другой стороны...»

Аналитики Управления слишком полагались на компьютерные данные и их распечатки, которые скорее развивали мысль, чем служили оружием. «Факты могут подводить. Ложный взгляд не стоит тысячи слов», – было любимой поговоркой Кейси, которую он часто адресовал дирекции разведки. «Труднее всего доказать очевидное», – было еще одной его любимой поговоркой. Кейси говорил Кларку, что хотел бы, чтобы дирекция разведки с большим вниманием подходила к проектам, требующим напряжения мозга. Он также хотел, чтобы дирекция концентрировалась на более существенных проблемах в традиционных темах. Недостаточно было знать, сколько зарабатывает Москва на экспорте нефти. Кейси хотел знать, насколько это важно для нее. Одна из целей Кейси – размещение всюду своих людей, разделявших его взгляды, – антикоммунистов, ценивших экономию и стратегию. Они могли улучшить дело в работе разведки, внеся новую струю. Как он заметил в своей записке сотрудникам, система написания рапортов стала «медлительной, обременительной и противоречивой, если вопрос касается реализации его цели, т. е. передачи принимающим решения актуальных, обоснованных прогнозов с гибкими альтернативами».

Одной из важнейших сфер деятельности Кейси была советская экономика. Правда, дирекция разведки сочиняла ежегодно тысячи страниц рапортов на эту тему, но в них было мало информации, действительно связанной с нужной темой. Поэтому-то Кейси и старался ввести в Управление новых талантливых людей. Для того чтобы проводить активную стратегию, направленную против советской экономики, ему нужно было иметь вокруг своих людей, которые давали бы необходимую информацию.

Ему удалось уговорить бывшего председателя «Rand Corporation» Генри Роуэна возглавить национальный Совет по делам разведки, взяв в качестве своего ассистента по специальным делам редактора журнала «Фортуна» Герба Мейера. Оба они были экспертами по советской экономике. Своим связным с Белым домом он взял Дэвида Вигга, экономиста, создавшего систему контроля поступлений твердой валюты в Советский Союз и ее экспорта. Специализация людей, которыми окружил себя Кейси, говорила о его заинтересованности.

С 50-х годов ЦРУ было на Западе главной организацией, проводившей исследования советской экономики. Год за годом рапорты сообщали, что она продвигалась вперед на 3 процента в год. Но обычная информация без компьютерной обработки не подтверждала этого. Кейси верил, что Советы переживают трудности, и попросил Мейера сделать собственный анализ. Базой оценок в ЦРУ была компьютерная система SOVMOD, использовавшая опубликованные советские статистические данные, обработанные с помощью различных математических методов. Ознакомившись с оценками, Мейер сообщил Кейси: «SOVMOD – это наживка для наивных».

«ЦРУ видело советскую экономику в таких же радужных тонах, как и сам Кремль, – вспоминал Мейер. – А в действительности люди стояли там в долгих очередях за продуктами питания. Росла нищета, дефициты. Резко увеличивались военные расходы. Многие аргументы подтверждали то, что советская экономика не развивается». Кейси поручил Мейеру провести секретные исследования советской экономики, которые могли бы использовать американские политики. Это должна была быть оценка слабых пунктов, строго секретные отчеты, данные для которых Мейер извлекал бы из материалов разведки и обрабатывал с точки зрения подбора способов оказания нажима. В одном из докладов он утверждал, что в советской «экономике очень много слабых пунктов... Использование их должно стать делом высшей государственной политики». Проект этот должен стать во многом переломным для ЦРУ, деятельность которого до сих пор главным образом концентрировалась на сильных сторонах Советского Союза: его военном могуществе, резервах золота и помощи зарубежным союзникам. Кейси хотел изменить это. «Билл считал, что мы всегда концентрировались на их сильных сторонах, но никогда на слабых, – вспоминает Мейер. – Если разведка и в самом деле должна быть орудием политики, то политики должны знать и слабые стороны Москвы, чтобы их использовать». Директор ЦРУ читал многие рапорты. По словам Мейера, Кейси ежедневно один час читал рапорты о советской экономике. «Замысел ведения Америкой экономической войны против Советского Союза родился в голове у Кейси практически во время Второй мировой войны. Так что никого не должно удивлять то, что он надеялся разорить Советов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.